

ВСЕРОССИЙСКИЙ
КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ

КОНКУРСНАЯ РАБОТА

Субъект Российской Федерации:

Ханты - Мансийский автономный округ - Югра

Наименование муниципального образования (населённого пункта):

город Сургут

Образовательная организация (полное название):

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение гимназия № 2

Участник Конкурса:

Головина

Фамилия

Арина

Имя

Викторовна

Отчество

Класс (курс), в (на) котором обучается участник Конкурса:

11 класс

Тематическое направление:

«Голос совести и вера в будущее не позволяют подлинному писателю прожить на земле, как пустоцвет, и не передать людям с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого»

Жанр:

(К.Г. Паустовский)

фантастический рассказ

Тема:

200 лет со дня рождения Александра Николаевича Островского в 2023

«Копузд Замоскворетья»

(200-летию А.Н. Островского посвящается...)

Многогранен, прекрасен и восхитителен своей русской самобытностью облик купеческих усадеб. Резные наличники на окнах, расписные ложки, пузатые самовары, — как будто попадаешь во времена наших предков, живших много столетий назад.

— Перед вами наряд московской купчихи середины XIX века, обратите внимание на покрой сарафана и рубахи, — экскурсовод казалась, сама бы готова заснуть от монотонности собственной речи, да и многие туристы, не стесняясь, зевали, смотрели в шартроны, наконец ухорили.

«Какая скука!» — подумала я. — «Неужели про

удивительный мир московских усадеб можно так неинтересно рассказывать?» От нечего делать я решила побродить по комнатам издбы, в которой проходила экскурсия. Вдруг до меня донеслись голоса, смех, чей-то певучий голос рассказывал историю о некоей липочке Большой и её маленьке. Это и дело слышались возмасы и аплодисменты.

Я краем глаза заглянула в комнату. В окружении мужчин и нарядных девушек сидел белокурый, с высоким лбом молодой человек, в котором было несомненно узнать Александра Николаевича Островского. Присутствующие были так увлечены чтением комедии, что, к счастью, не заметили нежданную гостью.

«Может быть, это просто актёры?» — подумала я, решив вернуться к нашей экскурсионной группе. Каково же было, когда, придя в зал, я не обнаружила ни экскурсовода, ни экспонатов! Не было привычных табличек «Руками не трогать!», равно как и всех выставленных в зале костюмов. Вместо них меня встретил письменный стол с чернильницей, кипа бумаг, диван с зелёной обивкой и несколько книжных шкафов.

Выйдя на улицу, я ошотрелась — да ведь это самая настоящая купеческая Москва! Пропади многоэтажки, широкие асфальтированные шоссе, вместо них стояли такие же крепкие, украшенные резьбой усадьбы. Вокруг бабы в платках и с корзинами, торговцы с лотками, пу-

затые купцы с бородами. Неужели я попала в прошлое?!

— День добрый, — произнёс незнакомец в нос кто-то позади меня. — Вы, барышня, куда-то, не в Малый театр направляетесь? Уж больно костюм Ваш необычен.

Я ошанулась и увидела человека в стуртуке, поднятая в приветственном жесте шляпа показала высокий лоб и затёсанные назад волосы незнакомца. Передо мной стоял Александр Николаевич Островский. К слову, наряд мой был мало похож на моду той эпохи: юбка и блузка современного покроя, да и новье модные туфли не похожи на алые сапожки купеческих дочек и крестьянские лапти.

— Вы, чай, из эмансипанток будете или из курсисток? — поинтересовался драматург. — Нынче мода такая пошла, всё парижские наряды носят, заграничные платья. Вам в таком виде, сударыня, на улице ходить не совсем пристойно, недавно судачник рвух таких девиц в полицейский участок отвёл. Не желаете ли замянуть в театр? Это совсем недалеко. Там как раз репетируют мою новую пьесу — «Гроза».

Мы зашли в здание театра, на сцене которого полным ходом шла репетиция знаменитой трагедии. Любовь Павловна Кошуква в роли Катерины металась по сцене, заламывала руки и не решалась взять заветный киток от калит-

ки. Игра актёров настолько завораживала, что порой казалось, будто идёшь по улицам Калинова, вместе с жителями прятешься в галерее, своими глазами видишь деспотию Кабанихи и Дикого, этот домостроевский уклад жизни, старые жестокие порядки. Рядом стоял и не отводил глаз от Любови Павловны Косицкой сам драматург: они не могли быть вместе, это была его личная драма. Она была его Катериной, а он — Борисом.

— А Вы знаете, Александр Николаевич, — неграмотно сказала я, — эту пьесу ждёт большой успех. Её ещё долго будут вспоминать, да и Вы навсегда останетесь для всех «Колумбом Замоскворецья», первооткрывателем купеческого и мещанского мира. Вот если бы можно было лучше пьесу посмотреть!

Драматург провёл меня за кулисы, где хранились декорации. Среди них было несколько фигур деревьев, холсты с пейзажами русского леса, а неподалёку слышалось пение. Я не заметила, как мы оказались на лужайке. Никаких стен театра вокруг уже не было. Нас окружал берёзовый лес, красота которого в скором времени неоднократно будет воспета Сергеем Есениным.

Александр Николаевич изменился: у него появилась рыжая борода, лицо выглядело уставшим и сосредоточенным. Дальний труд над пьесами подрывал здоровье писателя, но он продолжал бытование русской души в своих работах.

На большой поляне водили хорободы крестьяне: кудрявые юноши со звонкими голосами, румяные девушки в цветочных венках. Среди них была одна прекрасная девушка, скромная, будто чуждая этому миру тепла, солнца: в ней было легко узнать Снегурочку. Простота и душевность русских песен, эта щедрая природа лесов и березняков, наполненная красотой и загадочностью, окутывали, уносили в прошлое.

Оступившись внутри произведения, невольно пленяешься самообытностью и открытостью широкой русской души. Я с восхищением смотрела на драматурга, которому удалось так точно передать в афоризмах, сюжетах и образах тот дух, отличающий русского человека от иностранца. Внезапно Островский задумчиво, растягивая окончания, произнёс:

— Мы с Петром Ильичом Чайковским работаем над музыкой к произведению. Я посылаю ему свои куплеты о сельских гуляниях, но в таких делах я не советник. Приглашая и любезнейшего Михаила Третьякова Садовского с супругой на чтения, пьеса сия недурно должна на сцене смотреться.

А я задумалась: Островский и драматургия неотделимы, ведь все его пьесы (а их 47!) являются репертуаром для российских театров! Названия его пьес и по сей день сохранились как крылатые фразы, комедии и трагедии «разобраны»

на цитаты, а сам писатель — один из величайших летописцев жизни простого русского человека. Многие работы Александра Островского были признаны жемчужинами драматургии — самолюбиво, без прикрас изображал он хитрых купцов, мещан, мадных до Ренес, наивных девушек и бойких матушек со свахами.

Тем временем я и не заметила, как мы оказались рядом с дворянской усадьбой. У открытого окна сидела девушка и беседовала с молодым мужчиной.

— Эту девушку никто не хочет брать за муж, — негромко произнёс драматург. — Её мать без конца зовёт гостей, но партию составить не удаётся...

— Бесприданница, — догадалась я. — Верь это Лариса Оудалова, а с ней Карандышев!

Писатель ещё больше постарел, борода стала длиннее, а взгляд — утомлённее. Раздался хлопок выстрела, было слышно, как прибежали гости. Я невольно вздрогнула. Александр Николаевич задумчиво сказал:

— Душу не купить, не такая натура у бесприданницы. Да ведь бедность не порок, не об этом мы говорим я в своих пьесах. Хотя за душой ни гроша, да ведь честь с достоинством, чай, не за пятаки продают! А чай с Валли, барышня, пора и честь знать, хватит с нас путешествий.

И снова, как по волшебству, мы с Островским очутились в его кабинете в Щельково. На окнах зелёные занавески, стулья с резными спинками, домотканые паласы на полу.

— Дорогой Александр Николаевич! Через много лет Ваши произведения будут на слуху у каждого человека. В моё время, откуда я появилась, пятидесятилетия Вашей писательской деятельности — «Снегурочке» — исполняется 150 лет. Вы тоже юбиляр, поклонники Вашего творчества отмечают знаменательную дату — 200 лет! Ваши пьесы окажут огромное влияние на драматургию, оперы, постановки по Вашим трудам станут одними из известнейших в России. Именно благодаря Вашему творчеству, Александр Николаевич, люди будут помнить такие мудрые изречения, как «Не в свои сани не садись», «Старый друг лучше новых двух», «Бедность не порок», «Не всё коту масленица», «Не так живи, как хочешь».

Из-под Вашего пера вышла вторая «энциклопедия русской жизни», летопись купеческого и мещанского быта. И даже спустя сто, звестя, тысячи лет, проблемы Ваших произведений останутся невероятно актуальными и злободневными!

Писатель боги неказанно раз, что его труды не забыты. На память он вручил мне недавно изданную пьесу «Без вины виноватые», подписанную им самим. Островский проводил меня в сени, но, когда я омянулась, чтобы попрощаться с драматур-

гол, никого уже не было. Вместо усадьбы в Шельково передо мной снова был музей, а экскурсовод, окружённый несколькими суетающими людьми, монотонно повествовал о купеческих капиталах.

Я подумала: «Неужели это всё мне привиделось и не было никакого Александра Островского, равно как и актрис в Малом театре, и Бесприданница?» Тут я заметила, что сумка на моём плече стала гораздо тяжелее. Заглянув в неё, я увидела небольшую книгу, на обложке которой красовалась золотая надпись: «А. Н. Островский. Без вины виноватые», а на форзаце стоял автограф драматурга.

«Так значит, я и правда виделась с великим классиком! Значит, актёры Малого театра, герои пьес, не выдумка, а реальность!» — вдруг осенило меня. Моёму восхищению не было предела: сошлитесь, не каждый день увидишься с писателем, жившим в другой век. Только вот никак не могу понять, как я там оказалась?